

Поиск и обретение: топос книги как артефакта в переводческих паратекстах европейского Средневековья

А. Л. Соломоновская

Новосибирский государственный университет

a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Аннотация. Средневековые переводческие паратексты (в частности, предисловия или послесловия) представляют собой богатый материал для изучения. В них сочетаются реальные биографические сведения и сконструированный из нескольких топосов «идеальный образ» переводчика или книжника в целом. Статья посвящена нескольким таким мотивам, в той или иной степени связанным с *translatio studii*, то есть с распространением знания и учености и перемещением артефактов-источников этого знания (книг) и его потенциальных носителей (книжников, переводчиков) в поисках манускрипта. Поскольку в средневековой культуре важнейшим фактором, обеспечивающим престижность и аутентичность текста, был его древний источник, одним из распространенных мотивов был топос «случайной находки» древней и неизвестной до того момента книги. Трудолюбие и преданность делу переводчика подчеркивались мотивом долгого и утомительного поиска, преодоления разных трудностей в стремлении отыскать источник, известный ему лишь понаслышке. Из переводческих паратекстов мы также узнаем о том, какими путями та или иная книга (часто представляющая не только духовную, но и материальную ценность) могла попасть в новую культуру, в том числе в качестве военного трофея или дипломатического подарка. Предисловия или послесловия переводчика могут свидетельствовать об отношении книжника к книге как к материальному предмету и о его заботе о сохранности и распространении своего перевода.

Ключевые слова: книга как артефакт, переводческий паратекст, предисловие, послесловие, топос «случайной находки», топос трудолюбия, *translatio studii*

Для цитирования: Соломоновская А. Л. Поиск и обретение: топос книги как артефакта в переводческих паратекстах европейского Средневековья // Scriptorium slavicum. 2025. № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.20913/script-2025-1-07>

LINGUISTIC SOURCE STUDIES

Article

Search and Finding: Topos of the Book as an Artifact in Translation Paratexts of the European Middle Ages

Anna L. Solomonovskaya
Novosibirsk State University
a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Abstract. Medieval translators' paratexts (prefaces-prologues and postfaces-epilogues in particular) provide abundant study research materials for philologists and linguists. They contain both true biographical evidence and an image of an "ideal" translator or scholar constructed from several topoi (loci communes). The article deals with several motifs (topoi) extracted from translators' paratexts and related to *translatio studii* in its original and corporeal meaning, namely physical transfer of artefacts (books, scrolls) bearing the knowledge sought by the scholars and the travel of the latter in search of the artefacts. As medieval culture considered the antiquity of a book to be a significant factor of its prestige and authenticity, an "accidental discovery" of an ancient and unknown book topos (motif) was quite common in translators' paratexts. Another topos, which emphasized the dedication and diligence of a scholar, was a motif of a long and tiresome search, which implied overcoming various obstacles and facing dangers by the scholar (translator), who was trying to find a book he had heard about and was eager to obtain and make accessible to others. Translators' prologues and epilogues, as well as marginal glosses in the book itself, also give information about other ways a manuscript (an expensive and often richly adorned artefact) could find itself in a new culture, such as being a war trophy or a diplomatic gift. Translators' paratexts also provide us with evidence of scholars' attitude to and handling of their books as artefacts and their concern about the preservation and propagation of their work.

Keywords: Book as an Artifact, Translator's Paratext, Preface or Prologue, Postface or Epilogue, Accidental Discovery Motif (Topos), Diligence and Dedication Topos, Translatio Studii

Citation: Solomonovskaya A. L. Search and Finding: Topos of the Book as an Artifact in Translation Paratexts of the European Middle Ages // Scriptorium slavicum. 2025, no. 1, pp. 96–111. <https://doi.org/10.20913/script-2025-1-07>

Введение

История человечества – это история постоянного накопления знания и его передачи во времени (от поколения к поколению) и пространстве (из одного культурного центра в другой). Для такой передачи существует

общепринятый в медиевистике термин *translatio studii*. Этот процесс невозможно представить без *translatio* в двух других значениях: перевода с одного языка на другой и физического перемещения носителей этого знания – как людей (книжников и ученых), так и самих книг.

До изобретения книгопечатания, превратившего книгу в массовый продукт, рукописи как артефакты представляли немалую ценность: духовную, когнитивную и материальную. Часто они иллюстрировались изящными и дорогостоящими миниатюрами, помещались в богато украшенные, иногда драгоценными камнями, переплеты. Благодаря этому такие книги (например, «Полихроникон» Джона Тревизы или «Историческая Библия» Гийяра де Мулена) становились роскошным, в буквальном смысле королевским подарком, солидной частью наследства или ценнейшим военным трофеем.

Перемещение книги как материального объекта находило отражение как в самих рукописях (на свободных местах или полях можно было увидеть заметки о смене владельца), так и в других документах эпохи – описях библиотек, личной переписке и, наконец, в паратекстах переводных или позиционирующих себя таковыми сочинениями. Анализ паратекстов и посвящена эта статья.

Мотивы целенаправленного поиска или случайного приобретения книги, которая могла служить оригиналом для того или иного переводчика, нередко встречаются в переводческих предисловиях. Также тот или иной мотив иногда возникает в тех случаях, когда, по мнению современных ученых, мы имеем дело с оригинальным произведением, а не с переводом.

Переводческий паратекст (предисловие, послесловие, иногда заметки на полях или своего рода «лирические» отступления в сочинении) представляет собой интересный объект исследования. Именно в нем мы «слышим» голос древнего книжника, узнаем о его взглядах на процесс перевода и по самому широкому кругу вопросов. В переводческих паратекстах часто переплетаются реальные биографические факты и сконструированный книжником образ «идеального переводчика», который стремится к приобретению новых знаний (и в процессе обнаруживает неизвестные древние сочинения), готов много работать (в том числе и по ночам), осознает свою «малость» по отношению к задаче, стоящей перед ним, но все-таки берется за работу. Он приступает к своему труду, осознавая свою ответственность (и часто в таких случаях он подкрепляет свое решение притчей о талантах из Библии) или выполняя волю высокопоставленного покровителя (часто королевской или царской особы). В нашем материале (94 переводческих или псевдопереводческих предисловия) рассматриваемые мотивы поиска или случайной находки (иногда их трудно разграничить) так или иначе присутствуют в 13 прологах. Кроме того, еще в двух встречаются свидетельства о практике обращения с книгой – оригиналом или переводом.

Упоминание некоего древнего оригинала появляется в средневековых паратекстах неслучайно. Во-первых, средневековая культура была, по выражению А. Минниса [Minnis, 2010], культурой не автора, а авторитета. Поэтому древний оригинал (даже если он, как в случае с Гальфридом Монмутским, весьма вероятно не существовал или был собранием дохристианских легенд, бытовавших среди кельтского населения Британии еще до англосаксонского вторжения) придавал аутентичность тексту, рождавшемуся под пером переводчика.

Во-вторых, рассказ о долгом пути, который переводчик или его ученики проделали в поисках книг, свидетельствовал о важном для филолога (как древнего, так и современного) качестве – трудолюбии и преданности делу, даже в определенной степени фанатичности. Так, арабский врач и переводчик IX в. Хунайн ибн Исхак описывает путешествия, которые он совершил в поисках книг Галена. Многие европейские книжники – Аделяр из Бата (ум. 1151), Роберт из Честера (ок. 1150 г.), Даниил из Морли (ум. 1210) и Герард из Кремоны (ум. 1187 г.) – также отправлялись в долгий путь или вообще переезжали в другой город (как Герард) в поисках источников для своих переводов.

В-третьих, указание на роль патрона или патронессы в приобретении рукописи позволяло в очередной раз польстить им, заручаясь таким образом поддержкой на будущее.

В статье мы рассмотрим мотив книги как драгоценного и часто вождельного артефакта (или фикции такового) в переводческих паратекстах в нескольких аспектах: «случайная находка»; долгий и целенаправленный поиск известного переводчику понаслышке сочинения; текстологическая и библиографическая информация, которую счел нужным сообщить переводчик. Также мы кратко коснемся отношения переводчика к книге (как к материальному предмету), оказавшейся в его руках, и судьбы его собственной рукописи или ее списков.

Топос случайной находки

Среди всех упоминаний обретения сочинения, служащего книжнику оригиналом для перевода или основой компиляции, именно «случайная находка» чаще, чем другие топосы «обретения книги», либо используется для придания авторитета оригинальному сочинению или компиляции, либо переходит в перевод из оригинала (где этот топос также имеет легендарный характер). Рассмотрим четыре примера.

Первый пример представляет собой предисловие к легендарному приписываемому Аристотелю сочинению, известному в нескольких латинских переводах как *Secretum Secretorum* (в древнерусском переводе – «Тайная тайных»). В своем предисловии к латинскому переводу отрывков из этого

сочинения Иоанн Испанский (Севильский)¹ рассказывает мифическую историю обретения якобы греческой рукописи *Secretum Secretorum*, видимо, по предисловию арабского составителя (или, как тот позиционирует себя, переводчика). Прежде чем процитировать предисловие своего арабского источника, Иоанн Севильский сообщает его легендарное происхождение – трактат Аристотеля, обращенный к Александру Македонскому, – и приводит его арабское название «Арацелас». История, которую затем Иоанн излагает с отсылкой к арабскому источнику, полна соответствующих штампов: длительные поиски истины, предпринятые от имени и по поручению «императора»; неожиданная находка в одном из языческих храмов (храме Солнца, построенном Гермесом или Эскулапом); знакомство с хранителем храмовой библиотеки; лесть и притворство, с помощью которых Патрикий («переводчик») получил разрешение ознакомиться с библиотекой, и, наконец, обнаружение рукописи якобы послания Аристотеля Александру Великому, написанной золотом. Таким образом, «переводчик» получает оригинал. Судьба хранителя библиотеки остается неизвестной.

Второй пример связан с «мистификацией в квадрате». Во второй половине XII в. (до 1173 г.) придворный историк Генриха II (герцога Нормандии и короля Англии) Бенуа де Сен Мор составляет поэму – стихотворную адаптацию нескольких латинских источников. Среди них был текст, известный как *De Excidio Troiani Historia* и достаточно долгое время приписываемый легендарному «автору», якобы участнику и очевидцу Троянской войны – Дарету Фригийскому. В пролог Бенуа включает и предисловие к этому латинскому сочинению с собственными дополнениями. В этой истории переплетаются и сразу две мистификации, связанные с поиском авторитета в историческом повествовании, и недоразумение из-за отсутствия четкого указания на автора конкретного текста.

Коснемся сначала *первой мистификации*. Дарет, «непорочный священник Гефеста, муж и богатый, и славный» (перевод Н. Гнедича), упоминается Гомером как отец поединщиков Диомеда Фегея и Идея в Песне V «Илиады». Его именем воспользовался возможный составитель не дошедшего до нас греческого сочинения, написанного в эпоху «второй софистики» (60–230 гг. н. э.). Вероятно, этот текст все-таки существовал, так как самое раннее упоминание истории Троянской войны Дарета встречается у Птолемея Гефестиона (70–100 гг. н. э.), Клавдия Элиана (ок. 170 г. н. э.) и др., то есть до появления латинского «перевода». Кроме того, некоторые детали повторяются у Иоанна Малалы, который не знал латинского языка и, следовательно, не мог опираться на дошедший до нас латинский текст

¹ Латинский текст и его латинский перевод содержатся в: Burnett Ch. "Magister Iohannes Hispalensis et Liniensis" and Qusta ibn Luka's De differentia spiritus et animae: A Portuguese Contribution to the Arts Curriculum? // *Mediaevalia: Textos e estudos*. 1995. № 7/8. P. 255–258.

[Haight, 1947; Rollo, 1995]. С другой стороны, совпадающие у Дарета и Малалы описания внешности и характеров героев троянских событий могли быть взяты из одного источника – какого-то сочинения по физиогномике. *De Excidio Troiani Historia* написана как бы «в пику» Гомеру (не с греческой, как у великого поэта, а с троянской стороны) и позиционируется как рассказ высшего для историка авторитета – очевидца событий.

Мистификация номер два – пролог к латинскому переводу, выполненному в V–VI вв. (по другим данным, в III–IV вв. н. э. [Clarke, 2014]), якобы написанный переводчиком Корнелием Непотом и адресованный другому римскому историку – Саллюсту. Исторический Корнелий Непот – личный знакомый, единомышленник, корреспондент и биограф Марка Туллия Цицерона, автор двухтомной биографии великого оратора [Geiger, 1985] – никак не мог быть автором *De Excidio*. Пролог, осуждающий Гомера и подчеркивающий безумие идеи о возможности сражения смертных с богами, явно написан христианином [Haight, 1947]. Кроме того, язык, на котором написан *De Excidio*, имеет мало общего с утонченной классической латынью Цицерона и его ученых современников. Даниелла Галли (2013) находит в начальных трех главах *De Excidio* (в которых речь идет о Язоне и аргонавтах) сходство с эпической поэмой Аполлония Родосского «Аргонавтика» (III в. н. э.) и датирует *De Excidio* 510–530 гг. н. э. [Galli, 2013]. Таким образом, фиктивность рассматриваемого паратекста не подлежит сомнению.

В прологе «Корнелий Непот» пишет: «Среди многих прочих любопытных вещей я обнаружил в Афинах историю Дарета Фригийского, написанную, как указывает надпись на рукописи, его собственной рукой» (перевод с латинского А. В. Захаровой [Дарет Фригийский, 1997, с. 120]). Поскольку Непот считался образцовым римским историком, упоминание его и создание фиктивного пролога от его имени придавали еще больший авторитет тексту. Бенуа де Сен Мор шестью столетиями позднее придумал новые детали (выделены курсивом) биографии «Непота» и истории обнаружения «автографа» участника Троянской войны:

«Когда Рим уже существовал некоторое время,
Пришло время доблестного (достопочтенного) Саллюста,
Которого считали таким могущественным,
Таким богатым и такого знатного происхождения
И который был мудрейшим ученым.
Как я читал, у этого Саллюста
Был племянник (лат. *peros.* – А. С.), весьма образованный.
Его звали Корнелий,
И был он умен и весьма начитан.
Он был весьма известен
И возглавлял школу в Афинах.

И однажды в книжной лавке
Он искал книгу по грамматике.
И так долго он искал,
Что среди других он нашел
Историю, которую записал,
Составил и рассказал на греческом языке Дарет»
(строки 75–92, перевод со старофранцузского мой. – А. С.).

Рассмотрим **третий пример**. Сама древность текста могла обеспечить, с точки зрения средневекового автора (и читателя), авторитетность сочинения, составленного на его основе, даже если это была древняя книга не на латинском или греческом языках. Такой книгой (на кельтском – валлийском или бретонском) была *Britannici sermonis liber vetustissimus* (буквально «древнейшая книга на британском языке»), реальная или выдуманная, упомянутая Гальфридом Монмутским в своем прологе к *Historia Regum Britanniae* (также известной как *De Gestis Britonum*), которая как бы продолжает историю беженцев из Трои и их потомков-римлян. Более того, Монмут переворачивает традиционную модель *translatio studii*: у него не латинский текст, а его британский источник обладает структурированностью и риторической красотой (*continue et ex ordine perpulcris orationibus*) [Le Saux, 2020, p. 236]. Реальный или выдуманный древний и потому авторитетный источник был нужен Гальфриду, автору нового и нестандартного нарратива об истории Британии (с точки зрения бриттов, а не завоевавших Британию саксов и англов), чтобы обосновать такой необычный подход.

Хотя Монмут был в достаточной мере самостоятельным автором, творчески перерабатывавшим свои источники, для придания большей авторитетности своему сочинению он заявляет о том, что лишь переводит некую древнейшую книгу на британском языке (*Britannici sermonis librum vetustissimum*²), которую передал ему Уолтер, архидиакон Оксфорда. Эта книга и привезший ее архидиакон Уолтер упоминаются в «Истории бриттов» еще дважды – перед описанием битвы Артура и Модреда и в самом конце. Эта книга якобы содержала историю бриттов до Рождества Христова, а также описание подвигов короля Артура и другие исторические сведения из жизни кельтских обитателей Британии, которые не нашли отражения в известных Монмуту латинских историях острова.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу этого «источника». Некоторые, например [Griscom, 1926; Southern, 1970], считают, что такая книга действительно существовала, хотя с учетом характера обращения Монмута и других его современников со своими источниками термин «перевод» в этом случае мог быть условным. Многие другие склоняются

² Латинский текст цитируется по изданию, в котором содержится и оригинальный текст, и русский перевод: Монмутский Г. История бриттов. Москва, 1984. 286 с.

к тому, что это скорее просто литературный топос [Smith, 2020, p. 21]. В частности, Джошуа Байрон Смит предполагает, что моделью для построения пролога Монмута послужило уже упомянутое фиктивное предисловие к «Падению Трои» Дарета Фригийского. На это указывают фактические текстуальные совпадения прологов: *Cum multa Athenis studiose agerem* («Падение Трои») и *Cum mecum multa et de multis saepius animo revolvens in hystoriam regum Britanniae inciderem* («История бриттов») в части, рассказывающей о предшествовавших судьбоносной находке обстоятельствах – оба автора долгое время размышляли и проводили разыскания, ответом на которые и послужила так вовремя найденная книга [Smith, 2020, p. 22]. Кроме того, «Историю бриттов» можно считать своего рода продолжением «Падения Трои», так как она начинается с того момента, на котором заканчивается более ранний текст.

Высказываются и другие предположения об этой «очень древней книге». Чуть меньше столетия назад о бретонском происхождении *librum vetustissimum* писал Роджер Шерман Лумис [Loomis, 1928]. Современный британский ученый Бен Гай выдвигает гипотезу, что эту книгу ее владелец, архидиакон Уолтер, мог привезти из Бретани (а не из Британии, то есть современного Гальфриду Уэльса). Он основывается на том, что для Монмута *ex Britannia* скорее должно было означать именно «из Бретани», а не «из Уэльса», который для автора «Истории бриттов» был более не достоин столь гордого имени. Однако там же ученый делает оговорку, что такой книги могло и не существовать, а упоминается она лишь для придания авторитета [Guy, 2020, p. 36]. *Britannicus sermo* этой древней книги мог означать и валлийский, и бретонский язык, а в Бретани бытовало множество легенд о короле Артуре. Попытку реконструировать содержание гипотетического бретонского (континентального) источника на основе известных документов эпохи предпринял в 1981 г. Джеффри Эш [Ashe, 1981]. Однако до сих пор нельзя с уверенностью ни подтвердить существование «древней книги», ни опровергнуть его.

Четвертый пример «случайного» обнаружения книги, на этот раз греческого трактата анонимного автора, мы находим в прологе к переводу с греческого языка богословской компиляции анонимного автора, выполненной Моисеем из Бергамо. Этот перевод опубликовал Чарльз Хаскинс в своей основополагающей монографии о средневековых научных переводах [Haskins, 1924, p. 201]. В прологе повторяются все те же мотивы: среди мудрых греческих манускриптов, которые книжник бегло просматривает (о чем свидетельствует использованный им глагол *percurrerem*), он случайно обнаружил (*contigit*) небольшую книжку. Как только Моисей увидел название, он сразу же загорелся желанием ее перевести и начал работать, несмотря на неблагоприятные условия (необычный для этого времени холод и возможность трудиться только по ночам).

Подобные же мотивы (случайной находки и бодрствования по ночам над переводом) есть и в прологе анонимного (вернее, хорошо зашифровавшего свое имя) монаха-доминиканца из Пикардии, который в 1380 г. закончил стихотворный перевод «Утешения философией» Боэция. Выступая в начале своего пролога против тех, кто приписывает себе чужую славу (выражаясь современным языком – плагиаторов), он утверждает, что честь авторства должна принадлежать тому, «кто, чтобы ее добиться, трудился и постоянно бодрствовал» – *qui pour l'avoir est traveillié / Et perseveramment veillié* (здесь и далее перевод со среднефранцузского наш. – А. С.) [Noest, 1998, p. 8]. Что касается «случайной находки», то переводчик повторяет тот же прием: в поисках «пищи для ума» (*pour plus mon engine solacier* – «чтобы еще больше порадовать свой ум») [Noest, 1998, p. 9] он нашел книгу, которая не считалась слишком известной, это было сочинение Боэция «Утешение философией». При этом автор знает о существовании других французских переводов этого сочинения, но считает прозаический перевод слишком грубым, а метрический Жана де Тиса – непонятным вследствие буквального (*precis*) перевода стихотворной части.

Топос поиска и обретения известного автору или переводчику источника

Большие историографические труды, к которым относится и *Estoire des Engleis*, хроника, составленная в 1136–1137 гг. (датировка приведена в [Short, 1994]) представителем второго поколения англо-норманнов Джеффри Гаймаром, требовали масштабной предварительной работы, в частности сбора разнообразных источников, в том числе и нуждавшихся в переводе. В эпилоге Гаймар посвящает 34 стихотворные строки перечислению рукописей, добытых всеми возможными способами, вплоть до не совсем законных (*a tort*). Он подробно описывает, как та или иная копия попала к нему в руки, иногда через целую цепь посредников, в частности через его заказчицу, леди Констанс, без помощи которой он бы ничего не добился (*Si sa dame ne li aidast / la a nul ior nel acheuast*). Именно она «одолжила» (*lenpruntat*) ему некую книгу, принадлежавшую архидиакону Вальтеру.

Возможно, речь идет о том самом источнике, реальном или воображаемом, о котором пишет Джеффри Монмутский. В этом случае можно предположить прямое влияние пролога Монмута в *De Gestis Britonum* либо, поскольку Гаймар не упоминает язык этой *bon livre*, его непосредственным источником может быть само сочинение Монмута. Если учитывать, что два памятника создавались фактически одновременно (Монмут – 1136 г. и Гаймар – 1137 г.), то слова *u fust a dreit u fust a tort* Гаймар использует, поскольку получил доступ либо к источнику самого Монмута (если таковой существовал), либо к рукописи

своего британского (валлийского) тезки еще до того, как это произведение было полностью закончено автором и «выпущено в мир».

При этом возрождается и первоначальное значение латинского слова, обозначающего перевод: прежде чем приступить непосредственно к *translatio* – переводу, необходимо было физически перевезти (прямое значение глагола *transfere*) оригинал. Одновременно оживает и культурологическое значение *translatio studii* – передача и накопление знаний, в этом случае от древности до времен самого Гаймара, который и сводит этот опыт воедино.

Тот же мотив *translatio studii* и долгого и кропотливого поиска источников для своей компиляции повторяет Лайамон в прологе к «Бруту». *Translatio studii* предстает здесь как история физического перемещения книг, в частности романа Васа, который был подарен королеве Элеоноре и в итоге попал в руки Лайамона. Переводчик-составитель называет не только свой основной источник – «Роман о Бруте», – но и ряд других. При этом, судя по всему, некоторые из них он называет лишь для придания авторитета (например, английский перевод сочинения Беда Достопочтенного), так как в действительности он почти ничего оттуда не заимствует, тогда как другие его реальные источники (о которых подробно пишет Ле Со) не упоминаются. По-видимому, топос «добывания» разных источников был частью общего топоса трудолюбия и служил для придания достоверности историографическим компиляциям даже в те далекие времена.

Книга в ту эпоху могла уподобляться святому Граалю (если проводить аналогию с Артурианским циклом, который был основан Гальфридом Монмутским и нашел свое продолжение у Гаймара, Васа и Лайамона). Таким сокровищем для ученых в этот период стал «Альмагест» греческого астронома II в. н. э. Клавдия Птолемея (так называли эту книгу арабы, которые переводили «Великий Синтаксис» минимум трижды за VIII–IX вв.). Особенно увлекательной была история, рассказанная анонимным сицилийским переводчиком этого великого астрономического и математического труда (перевод выполнен около 1160 г.). Обучаясь медицине в Салерно, он узнал, что это сочинение привез из Константинополя в Палермо Генрих Аристипп, и отправился в далекий и опасный путь: «Окрыленный надеждой, я не испугался лающей Сциллы, пересек Харибду, обошел реки огня, извергающиеся из Этны»³. У самого жерла вулкана он и встретил Аристиппа, который наблюдал за извержением, и тот (по-видимому, с неохотой, на что завуалированно намекает автор пролога) передал ему оригинал.

Не менее «живописен» рассказ переводчика Иоанна Севильского (Испанского) о том, как он узнал о существовании сочинения Табита ибн

³ ... spe succensus, Scilleos latractus non exhorui, Caripdim permeavi, ignea Ethene fluentia circuiui (Haskins Ch. H. Studies in the history of medieval science. Cambridge, Mass., 1924. P. 191). Перевод с латинского мой. – А. С.; доступен также английский перевод с латинского (Mallette K. The Kingdom of Sicily, 1100–1250: A literary history. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2005. P. 156–158).

Курра «О талисманах» (в латинском переводе *De imaginibus*) и получил его [Burnett, 1995, p. 252–255]. Из этого подробного нарратива мы узнаем некоторые автобиографические сведения: в частности, о долгом, затратном и утомительном путешествии среди язычников (*gentes*), без возможности общения с единоверцами, которое тем не менее не привело к желанному результату. Уже отчаявшийся искатель мудрости встречается некоего «учителя» (*magister*), который сообщает ему о книге, представляющей собой «сумму» всех важнейших знаний по «прикладной астрологии» – науке изготовления талисманов в соответствии с благоприятным расположением планет. В этом случае, в отличие от своего арабского предшественника, Иоанну Севильскому не пришлось прибегать к хитрости и лести: *magister* сам охотно поделился с ним этой книгой, которую до него видел лишь один латинский ученый, некий *Auriocenus*.

Книга могла также попасть в Западный мир в качестве военного трофея или дипломатического подарка. Так, например, в прологе византийца Алексея (ок. 1245 г.), опубликованного на греческом языке с переводом на английский [Fisher, 2010, p. 2–4]), рассказывается история «Апокалипсиса Даниила» – анонимного греческого памятника, атрибутируемого якобы пророку Даниилу, но написанного в IX в. Как пишет об этом Алексей, во времена императора Константа (Констант II, который правил с 641 по 648 г.) византийские земли подвергались постоянным нападениям мусульман, в том числе под предводительством военачальника Муавии. В результате одного из таких набегов Муавия захватил среди других трофеев эту книгу и распорядился перевести ее на арабский язык. Сам же Алексей, будучи пленником арабов, выучил арабский язык (хотя и без особой любви к оному) и решил перевести эту книгу на греческий язык для своих соотечественников.

Примером дипломатического подарка может послужить первая греческая рукопись, чье попадание в Западную Европу (на территорию современной Франции) задокументировано. Это манускрипт с сочинениями Дионисия Ареопагита, который был подарен византийским императором Михаилом Людовiku Святому в 827 г. и с которым работал первый переводчик «Ареопагитик» на латинский язык Гильдуин, аббат монастыря Святого Дионисия (Сен Дени). Именно из его послания Людовiku Святому, заказчику этого перевода, мы и узнаем об этом подарке (текст письма приводится на латыни и в английском переводе в [Lapidge, 2017, p. 206–207]).

Иногда книги привозились из Византии (в частности, Константинополя) западными дипломатами. В нашей выборке есть два предисловия, написанные такими посланниками. В X в. (в царствование Константина VII и Романа I Лакапина) герцоги Кампании Иоанн и Марин отправили в Константинополь послание с архиепископом Львом (который известен нам как Лев Неаполитанский). Выполнив свою миссию, он начал искать

книги для чтения и «обнаружил среди них историю, повествующую о битвах и победах Александра, царя Македонского» (*Inter quos invenit historiam continentem certamina et victorias Alexandri, regis Macedoniae*) [Leo of Naples]. Лев Неаполитанский переписал и привез рукопись в Неаполь. Таким образом «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена попал в Западную Европу.

Второй пример относится уже к середине XII в. Около 1151 г. Бургундио Пизанский, юрист из Пизы, был отправлен своими согражданами к императору Мануилу для переговоров (их содержание Бургундио не уточняет). Пережив в пути личную трагедию (от внезапной болезни умер его сын Хьюголино, которого юрист взял с собой), он, возможно в память о сыне, решил найти гомилии Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (к этому времени он уже перевел его же комментарии к Евангелию от Матфея). При этом он был слишком занят переговорами, чтобы начать перевод прямо на месте и не мог купить греческую книгу. Тогда он одолжил две копии из разных монастырей и нанял четырех писцов, один из них переписывал книгу с начала, другой – с середины. Таким образом, ко времени завершения своей дипломатической миссии он стал обладателем двух списков греческого текста гомилий и сразу же, еще в пути домой через Мессину, Неаполь и Гаэту, занялся переводом, работая по ночам. Упоминание бессонных ночей, проведенных за переводом, возможно, указывает на реальное обстоятельство или является еще одним «общим местом», свидетельствующим о смирении, энтузиазме и трудолюбии переводчика.

Книга в руках переводчика: уважение и любовь

Предприняв столь значительные усилия, чтобы заполучить желанный манускрипт, переводчик, несомненно, испытывал особый трепет, когда брал его в руки и начинал работу. Свидетельство такого отношения мы видим в прологе к «Бруту» уже упоминавшегося книжника Лайамона. В строках 24–26 современного электронного издания [Layamon] приводятся следующие слова (перевод со среднеанглийского мой. – А. С.):

Laȝamon leide þeos boc; & þa leaƿ wende (Лайамон положил перед собой эти книги и стал переворачивать их страницы).

he heom leofliche bi-heold. lipe him beo Drihten (он смотрел на них с любовью, да благоволит ему Всемогущий).

Feþeren he nom mid fingren; & fiede on boc-felle (взял он в свои пальцы перо и написал на обложке).

Уже переведенное сочинение, вернее его списки, также требовали бережного отношения. Об этом свидетельствуют два текста из нашей выборки. Первый из них – это инструкция английского короля Альфреда (IX в.) по распространению и хранению древнеанглийского перевода *Cura Pastoralis*

(«Пастырское правило»). Как пишет король-книжник в прологе к переводу, бедствия Англии (в период его правления это были набеги скандинавских племен, в частности данов) были связаны с утратой христианской учености. По сообщениям одного из его сподвижников, валлийца Ассера, Альфред предпринял меры, нацеленные на восстановление христианской морали, грамотности и книжности. Среди этих мер – предоставление всем свободно-рожденным молодым людям возможности обучаться грамоте, основание монастырей и школ, обязательность грамотности (англо-саксонской, не латинской) для всех желающих занять государственные должности. Как уже упоминалось, он сам занимался переводческой деятельностью (или ее организацией), и в прологе к англо-саксонскому переводу *Cura Pastoralis* Альфред отдает распоряжения по распространению и хранению манускриптов этого важного руководства для служения и жизни христианского духовенства. Рукопись этого памятника должна была находиться в каждом кафедральном соборе (епископстве, *biscepstole*) и снабжаться специальной драгоценной защелкой. Альфред даже уточняет ее стоимость – в пересчете на фунты (но не современные, разумеется) это около семи фунтов. При этом, чтобы обеспечить доступ к книге всем желающим, ее запрещалось выносить из собора.

Другой пример, значительно более поздний (середина XIV в.), – стихотворный пролог к английской комментированной Псалтыри Ричарда Ролле из Хампола. Из него мы узнаем, как именно обеспечивалась сохранность манускрипта, который для его владельцев представлял не только материальную, но и сакральную ценность. Монахини монастыря, возле которого жил, умер и был похоронен Ричард Ролле (по образу его жизни в русской культуре того времени он бы назывался юродивым), активно добивались его канонизации (что могло привлечь к монастырю новых паломников и пожертвования). С этой целью распространялись легенды (а может быть, и правдивые свидетельства, с точки зрения монахинь) об исцелениях, происходивших на его могиле.

Стихотворный пролог к Псалтыри Ричарда Ролле, составленный, по-видимому, с той же целью, сообщает о том, что автограф переводчика – та самая книга, которую он написал для монахини дамы Маргарет Киркби, – хранится в часовне-усыпальнице «достойного святого человека» (*a worthy holy man*) на цепи. Интересная деталь: после этого сообщения даются подробные сведения о том, как добраться до монастыря, и о чудесах (слепые прозревают, хромые начинают ходить и даже убитые (*tho were slayne*) воскресали...), происходивших на гробнице Ролле. Таким образом, очевидно, кто был целевой аудиторией этой (если можно так модернизировать среднеанглийский текст) «социальной рекламы».

Заключение

В Средние века книги воспринимались как большая материальная ценность, и если книжники (например, Лайамон) относились к ним бережно, с любовью и даже трепетом, то государственные или церковные деятели (такие как король Альфред или анонимные монахи монастыря Хампола) стремились обеспечить ее сохранность вполне земными средствами.

Редкие и малодоступные книги воспринимались книжниками как святой Грааль их современниками-рыцарями, и потому ученые ради их получения были готовы на самые тяжелые испытания (даже пройти между Сциллой и Харибдой). Конечно, в таких утверждениях могла присутствовать «игра воображения», продиктованная стремлением подчеркнуть свою преданность знанию, трудолюбие и готовность многим пожертвовать ради науки. Однако в этих заявлениях заключалась и большая доля истины, так как нам известны из других источников факты дальних путешествий, которые предпринимали средневековые книжники в поисках истины, запечатленной в том или ином сочинении (как это случилось с «Альмагестом» Птолемея).

Поскольку средневековая культура в целом была культурой авторитета (Священного Писания, сочинений отцов церкви, греческих философов, в первую очередь Аристотеля), авторы даже относительно оригинальных сочинений или компиляций стремились показать, что за их трудом стоит какой-то древний источник. При этом имела значение сама древность источника, даже если речь шла о «сочинении» язычника – участника и очевидца Троянской войны (Дарета Фригийского для Бенуа де Сен-Мора) – или о книге на неосвященном церковной и книжной традицией «британском» (валлийском, бретонском) языке для составителя латинской *Historia Regum Britanniae* Гальфрида Монмутского. Топос «неожиданной находки» – в полуразрушенном монастыре, в личной библиотеке отшельника-мудреца, в лавке книготорговца – становился в таких случаях способом объяснить, почему эта «старинная книга» ранее оставалась неизвестной другим авторам.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

The author has read and approved the final manuscript.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest related to this article.

Список литературы / References

Ashe G. "A Certain Very Ancient Book": traces of an Arthurian source in Geoffrey of Monmouth's history // *Speculum*. 1981. No. 2. P. 301–323. (In Eng.).

Burgundio of Pisa. The Risk of altering so great an original // *Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche*. Manchester, 1997. P. 41–43. (In Eng.).

Burnett Ch. "Magister Iohannes Hispalensis et Liniensis" and Qusta ibn Luka's De differentia spiritus et animae: a Portuguese Contribution to the Arts Curriculum? // *Mediaevalia. Textos et Estudos*, 1995. No 7–8. P. 221–267. (In Eng.).

Clarke M. The Extended Prologue of Togail Troí: From Adam to the Wars of Troy // *Ériu*, 2014. Vol. 64. P. 23–106. (In Eng.).

D'Ancona C. Greek into Arabic // *The Encyclopedia of Islam*. 2016. Vol. 3. URL: https://verlag.oeaw.ac.at/api/download/content/9783700184416_kapitel_155_161.pdf (accessed: 02.10.2025) (In Eng.).

Benoît de Sainte-Maure. Le Roman de Troie publié d'après tous les manuscrits connus par Leopold Constans. Vol. 1, Paris : Librairie de Firmin Didot et Co, 1904. 428 p. (in Fre.).

Fisher E. Alexios of Byzantium and the Apocalypse of Daniel: A Tale of Kings, Wars, and Translators // *Byzantium and the Surrounding Cultures (Festschrift in honor of S. Yıldız Ötügen)*. Istanbul, 2010. P. 177–185. (In Eng.).

Galli D. "De Excidio Troiae" by Dares Phrygius and Valerius Flaccus // *Mnemosyne. Fourth Series*, 2013. Vol. 66, fasc. 4/5. P. 800–808. (In Eng.).

Geiger J. Cicero and Nepos // *Latomus*, 1985. Vol. 44, fasc. 2. P. 261–270. (In Eng.).

Griscom A. The Date of composition of Geoffrey of Monmouth's *Historia*: New manuscript evidence // *Speculum*, 1926. Vol. 1, no 2. P. 129–156. (In Eng.).

Guy B. Geoffrey of Monmouth's Welsh Sources // *A Companion to Geoffrey of Monmouth. Brill's companions to European history* / ed. by G. Henley, J. B. Smith. Leiden, Netherlands: Brill, 2020, pp. 31–66. (In Eng.).

Haight E. H. The Tale of Troya: An early romantic approach // *The Classical Journal*, 1947. Vol. 42, no 5. P. 261–269. (In Eng.).

Haskins Ch. H. Studies in the History of Medieval Science. Cambridge : Harvard University Press, 1924. 411 p. (In Eng.).

Gregory I, Pope. King Alfred's West-Saxon version of Gregory's pastoral care with an English translation, the Latin text, Notes and an Introduction / ed. by Henry Sweet, Esq. London, 1871. 194 p. (In Eng.).

Lapidge M. Hilduin of Saint-Denis. The Passio S. Dionysii in prose and verse. Leiden : Brill, 2017. 897 p. (In Eng.).

Layamon's Brut (British Museum Ms. Cotton Caligula A.IX). London ; New York: Published for the Early English Text Society by the Oxford University Press, 1963–1978. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/LayCal/1:1?rgn=div1;view=fulltext> (accessed:19.06.2025) (In Eng.).

Le Saux F. Geoffrey of Monmouth's De gestis Britonum and Twelfth-Century Romance // *A Companion to Geoffrey of Monmouth. Brill's companions to European history* / ed. by G. Henley, J. B. Smith. Leiden, Netherlands: Brill, 2020, pp. 235–256. (In Eng.).

Leo of Naples. Historia de preliis Alexandri Magni (Prologue). URL: <https://www.thelatinlibrary.com/leo1.html> (access: 23.06.2025) (In Eng.).

Loomis R. Sh. Geoffrey of Monmouth and Arthurian origins // *Speculum*, 1928. Vol. 3, no 1. P. 16–33. (In Eng.).

Mallette K. The Kingdom of Sicily, 1100–1250: A literary history. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2005. 224 p. (In Eng.).

Minnis A. Medieval theory of authorship. scholastic literary attitudes in the Later Middle Ages. 2nd ed. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2010. 323 pp. (In Eng.).

Noest M. A Critical edition of a Late Fourteenth century French verse translation of Boethius' *De Consolatione philosophiae*: Boece de Confort, Thesis submitted to the Department of Romance Languages in fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of Queensland // *Carmina Philosophiae*, 1997. Vol. 8. P. 8–11. (In Eng.).

Rollo D. Benoit de Sainte Maure's Roman de Troie: Historiography, forgery and fiction // *Comparative Literature Studies*, 1995. Vol. 32, no 2. P. 191–225. (In Eng.).

Short I. Gaimar's Epilogue and Geoffrey of Monmouth's *Liber vetustissimus* // *Speculum*, 1994. Vol. 69, no 2. P. 323–343. (In Eng.).

Smith J. B. Introduction and Biography // *A Companion to Geoffrey of Monmouth*. Brill's companions to European history / ed. by G. Henley, J. B. Smith. Leiden, Netherlands: Brill, 2020, pp. 1–28. (In Eng.).

Southern R. W. Aspects of the European tradition of historical writing 1. The Classical tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // *Transactions of the Royal Historical Society, fifth series*, 1970. No. 20. P. 173–196. (In Eng.).

The Psalter or Psalms of David and certain canticles with translation and exposition in English by Richard Rolle of Hampole / ed. by H. R. Brambley. Oxford : Clarendon Press, 1884. 596 p. (In Eng.).

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / изд. подгот.: А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. Москва : Наука, 1984. 286 с. (Литературные памятники). [Geoffrey of Monmouth (1984). *History of the Britons. The Life of Merlin*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / рус. пер., коммент., вступ. ст., сост. А. В. Захаровой ; гексаметр. пер. Д. О. Торшилова. Санкт-Петербург : Алетея, 1997. 301 с. [Daret the Phrygian (1984) *The History of the Trojan Destruction*. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)].

Информация об авторе

Анна Леонидовна Соломоновская
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
межкультурной коммуникации,
Гуманитарный институт, Новосибирский
государственный университет,
ул. Пирогова, 1, Новосибирск,
630090, Россия
ORCID: [0000-0001-8300-6691](https://orcid.org/0000-0001-8300-6691)
a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Information about the author

Anna L. Solomonovskaya,
Candidate of Philology,
Associate Professor, Head of Department
of Intercultural Communication,
Institute for the Humanities,
Novosibirsk State University,
1 Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russia
ORCID: [0000-0001-8300-6691](https://orcid.org/0000-0001-8300-6691)
a.solomonovskaia@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию / Received 08.08.2025

Получена после доработки / Revised 23.09.2025

Принята к публикации / Accepted 03.11.2025